

— Завтра... я уйду с поста, тебе тоже больше не нужно делать мою работу в бригаде. Ты снял гипс, но всё ещё хромаешь, отдыхай дома, не нагружай ногу.

— Но ты же бригадир! — воскликнул Чжун Жуйчжи.

Он мечтал о весне, когда они вместе будут сажать бобы и овощи, опылять грушевые деревья...

— Скоро бригады вообще не будет, какой смысл быть бригадиром? — сказал Цан Ицзин. — Весной уже были слухи о переходе на подворный подряд. Думаю, в некоторых местах уже пробуют. К следующей весне, если подворный подряд окажется выгоднее, бригады точно заменят, максимум через три года.

Чжун Жуйчжи, сидя на кане в деревне Цюаньчжуан с цыплёнком на руках, не чувствовал, что за пределами созревают огромные перемены.

— Ещё кое-что нужно тебе сказать, — продолжил Цан Ицзин. — В следующий рейс я пойду на судно.

— Что? — Чжун Жуйчжи крепче обнял Цан Ицзина. — Почему?

— Самый быстрый способ завоевать доверие капитана и матросов — выйти с ними в море, — объяснил Цан Ицзин. — К тому же, я смогу учиться и контролировать их. Кроме того, мой личный выход в море покажет покупателям мою искренность. Я слишком молод, у меня нет ни опыта, ни репутации. Единственная причина, по которой они соглашаются со мной работать, это то, что я племянник Цан Майфэна. Это слишком шатко.

Он хотел показать свою решимость и силу, чтобы все знали, что племянник Цан Майфэна умнее и способнее, чем сам Цан Майфэн, готов рисковать, умеет обращаться с деньгами, надёжен, и с ним можно заработать.

— Жуйчжи, я знаю, ты переживаешь за меня, — он крепче обнял Чжун Жуйчжи за талию, — но в краткосрочной перспективе только так я смогу завоевать авторитет и получить больше заказов.

Чжун Жуйчжи не мог понять, действительно ли так важно монополизировать рыбный бизнес, загнать доносчика в угол? Настолько важно, чтобы бросить всё, даже не возвращаться домой, преодолеть свои страхи, делать то, что не хочешь? Настолько важно, чтобы рисковать и выходить в море?

— Цзин Гэ, я не хочу, чтобы ты шёл, — Чжун Жуйчжи обнял Цан Ицзина и подумал несколько минут, прежде чем сказать. — Можешь ради меня не идти?

Цан Ицзин уже закрыл глаза, он был слишком уставшим, даже не расслышал, что сказал Чжун

Жуйчжи, и сонно пробормотал:

— Выгони цыплёнка...

Цыплёнок уже оброс перьями и мог запрыгнуть на кан, сейчас он сидел рядом с Чжун Жуйчжи и кудахтал.

Цан Ицзин, полуспящий, не забыл дать цыплёнку шлепок, сбросив его с кана.

— Цзин Гэ! — Чжун Жуйчжи легонько толкнул его, но Цан Ицзин уже спал.

Чжун Жуйчжи смирился и потянул за шнур, чтобы выключить свет.

Утром Цан Ицзин явно выспался, Чжун Жуйчжи проснулся от его ласк.

— Отпусти... — он сонно попытался оттолкнуть человека, зарывшегося в одеяло. — Я хочу в туалет, не шути так.

Но это только раззадорило Цан Ицзина.

Чжун Жуйчжи дрожал, отталкивая его:

— Ты с ума сошёл... я не смогу сдержаться!

Цан Ицзин прижался носом:

— Соскучился по моему Жуйчжи.

Он взял в ладони согнутые ноги Чжун Жуйчжи и начал массировать.

— Только по нему? — Чжун Жуйчжи постепенно поддавался, его голос стал тише и прерывистее.

Цан Ицзин целовал его бёдра:

— По всему, вчера был слишком уставшим, иначе не дождался бы утра.

Он встал на колени:

— Давай быстро, мне в шесть уходить. Повернись.

— Нельзя лицом к лицу? — запротестовал Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин ответил:

— Сначала смягчим, потом лицом к лицу, иначе будет больно.

— Я не боюсь боли, дай мне сверху, — Чжун Жуйчжи обнял его, пытаясь перевернуться.

— Хорошо, не затягивай, — Цан Ицзин обнял его за спину.

Чжун Жуйчжи повернулся:

— Почему тебе нравится сзади?

Цан Ицзин укусил его за шею, объясняя действием:

— Здесь вкусно, и... сзади видно твои лопатки и талию, талия... такая тонкая, очень красивая.

Чжун Жуйчжи услышал, как он сглотнул, и засмеялся:

— Но мне так тяжело.

— Я хочу войти глубже, заполнить тебя полностью.

Чжун Жуйчжи сказал:

— Ты... не ходи в море, возвращайся домой чаще... мы сможем быть вместе каждый день.

Цан Ицзин обнял Чжун Жуйчжи, стараясь, чтобы его колени меньше напрягались:

— Я тоже хочу, но нельзя...

— На самом деле, если у тебя будет достаточно денег, можно и не ходить в море, — сказал Чжун Жуйчжи. — У меня ещё есть деньги, которые я могу тебе дать.

Цан Ицзин улыбнулся:

— Спасибо за предложение.

— Правда, мне не нужно просить у мамы. — Чжун Жуйчжи крякнул, переведя дыхание, и продолжил: — И... это деньги, которые мне сейчас не нужны, могу отдать тебе, ты... ведь собираешься дать мне долю прибыли? Не просто так, считай, что я вложил.

Цан Ицзин наклонился и поцеловал его, наслаждаясь сладостью его губ:

— Семь тысяч хватит, у тебя есть?

Он был заполнен полностью, глубоко и основательно.

— Давай, обними, — сказал Цан Ицзин.

Чжун Жуйчжи повернулся и обнял его:

— Кто же откажется от лишних денег...

Цан Ицзин сказал:

— Не обманываю, если вложить слишком много, можно привлечь мошенников. К тому же, я новичок, если всё потеряю, что тогда?

— Этот рейс нужно обязательно завершить, здесь много тонкостей, только на судне можно всё понять. — Он наслаждался, щипая щёку Чжун Жуйчжи и мягко уговаривая его: — Оставь свои деньги, если я вернусь с пустыми руками, ты будешь меня содержать, кормить, хорошо?

Чжун Жуйчжи опустил голову и увидел, как его живот выпирает от ударов, это сводило его с ума.

Он не мог сдержаться, обнял Цан Ицзина и столкнулся с ним:

— Цзин Гэ, возвращайся поскорее.

— Хорошо.

— Ты не представляешь, как я жду тебя домой, уже... почти как обиженная жена... нет, обиженный муж. — Логика Чжун Жуйчжи всегда заставляла Цан Ицзина смеяться. — Я, мужчина, так по тебе соскучился, что стал как баба, а ты ещё смеёшься, ай... этот удар... дошёл до головы.

— Тогда позови меня мужем? — Цан Ицзин нацелился на то место, которое Чжун Жуйчжи назвал «дошедшим до головы».

Удары были громкими и сильными.

Чжун Жуйчжи погрузился в блаженство, пока не потерял последние остатки рассудка, выкрикивая:

— Муж... муж...

Он слышал, как Цан Ицзин смеётся у него в ухе, затем его дыхание стало тяжелее, он, возможно, действительно погрузился, или просто хотел, чтобы Чжун Жуйчжи погрузился ещё

глубже.

Как он мог дышать так тяжело и легко, это было невероятно.

Это был отклик Цан Ицзина в этом теле, в этой любви, он говорил Чжун Жуйчжи: только ты можешь сделать меня таким, и телом, и душой, я опьянён тобой, признаю только тебя.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197261>